

The background of the entire page is a dark, atmospheric illustration of a stormy sea. The water is rendered in deep blues and blacks, with white foam from the waves catching the light. In the lower portion, a small, dark boat with several figures is seen struggling against the turbulent waves. The overall mood is one of danger and survival.

ольга гаинут

Храм, пороховая бочка и айсберг

ОЛЬГА Геннадьевна ГАИНУТ

Храм, пороховая бочка и айсберг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24396993

Аннотация

Повесть о современной средней школе глазами учителя математики старших классов. О взаимоотношениях в педколлективе и между учителем и учениками. О множестве трудных и неожиданных ситуаций, возникающих в школе каждую минуту. Размышления учеников и учителя и вечных ценностях и смысле жизни.

ХРАМ, ПОРОХОВАЯ БОЧКА И АЙСБЕРГ

Когда Дарья Петровна была маленькая и приезжала на летние каникулы к бабушке, та не раз брала её с собой в православную церковь. В памяти девочки отложилось и то, как нарядно старалась одеться бабушка, и то, как светилось по-особенному её лицо, и как она внутренне менялась, озарённая предстоящей встречей с Богом. Хотя каждое утро, просыпаясь, внучка заставляла бабушку стоящей на коленях и шепчущей молитвы, но посещения церкви были особенным праздником.

До мельчайших подробностей помнит Дарья Петровна, что, когда человек входит в храм, всё то, что было у него до этого, остаётся за дверями, на улице. Глаза, тело и душа сразу погружаются в то сладкое, приятное, восхитительное, что окружает. И в сердце что-то восторженно переворачивается и настраивается на божественный диалог, на чудо, на спасение, на радость.

Дарья Петровна каждый день испытывает эти эмоции, входя в свой храм, где на табличке над входной дверью написано «Средняя школа номер 67 Октябрьского района». Как только она переступает порог, она, как женщина 37 лет, мать двоих детей, перестаёт существовать. Она куда-то исчезает и автоматически абсолютно забывает всю информацию, связанную с тем, что было до этого, включая даже возможное плохое самочувствие вроде гриппа или ангины с температурой. И моментально оказывается частью того водоворота,

который подхватывает её и несёт, несёт, несёт, часто переворачивая во всех направлениях, роняя на пол, больно ударяя, прихлопывая, подталкивая до синяков и только иногда лаская и награждая счастливыми моментами, которые оправдывают все эти кульбиты.

Когда зимой по какой-то причине бывает холодно в классах, Дарья Петровна, расписываясь в дневнике ученика на шестом уроке, вдруг понимает, что пальцы не сгибаются.

– Что с моими пальцами? – встревоженно думает она и только поэтому концентрируется на себе.

– Да я замёрзла до последней степени! – как озарение, мелькает мысль. – Как принеслась и сняла пальто, так и забыла про себя!

Если бы пальцы не выдали, она бы до окончания самого последнего, седьмого, урока и не вспомнила бы о себе. Но, накинув пальто, поняла, какое приятное тепло разливается по телу и что так надо было бы сделать намного раньше. Но на следующий день всё повторяется!

Однако, школа, кроме того, – это самая настоящая огромная, шумная, иногда красивая и просторная городская, а иногда скромная и неуместительная сельская, но пороховая бочка. Каждую минуту пол под ногами учителя может куда-то провалиться, взорвавшись самым невероятным событием; а поскольку человек не может стоять на пустом месте, то он, учитель, судорожно начинает мысленно выстраивать хоть какой-то настил, чтобы не улететь вообще в астрал, в

этот отличный от материального слой мироздания. И таким образом восстанавливается после потрясения. Отведены на это секунды, больше никак нельзя: десятки глаз неотрывно следят, оценивают и, возможно, учатся или критикуют. А посему, реагировать нужно не только быстро, но и педагогически правильно, чтобы не осудили, не обиделись, не восстали.

Дарья Петровна – классный руководитель в восьмом классе. Перед первым уроком забежала к ним и, сделав два шага, увидела, как Славка Колдыш стоит на подоконнике уже открытого окна и начинает выпрыгивать со второго этажа школы!

Сердце её оказалось во рту, руки затряслись, мысли понеслись вскачь от страха, ужаса и неотвратимости совершающегося на её глазах несчастья.

Но взамен её почти помешательству она услышала ... смех мальчишек!

– Да вы, Дарья Петровна, не переживайте! – успокаивают они её. – Мы просто поспорили, что Славка сможет выпрыгнуть и, видите, живой и невредимый, довольный, что выиграл спор.

Действительно, Славка машет снизу рукой и улыбается. Он теперь герой дня.

– Обезьяны всегда хорошо прыгают с высоты, – обращается она к классу с ироническими словами, заглушая этим пульсацию в висках и дрожь в ногах и не позволяя выдать своего потрясения. Но, кажется, голос немного подвёл.

После уроков она оставила Славку одного в классе и вместо нудных поучений просто стала смотреть на него глазами, полными страха за него, и тех мучительных опасений, и укора. Он понял и скороговоркой зачистил:

– Никогда больше не буду, Дарья Петровна! Простите! Ну, дурак был!

Дарья Петровна направилась к выходу, но ей навстречу заскочили девчонки и накинулись на Славку. Она краем уха слышала: «Ну, ты, Славка, и мерзко же поступил: у Дарьюшки (так звали её между собой ученики) чуть приступ не случился. А мы, думаешь, меньше за тебя переволновались?!»

Славка поднял вверх руки:

– Сдаюсь! Каюсь! Вот вам слово, что больше – никогда!

Никто не знает, когда эта школьная пороховая бочка взорвётся, надо просто достойно стоять на ней и достойно делать своё дело. В пол силы тоже можно. Но где-нибудь в другом месте, среди неодушевлённых предметов. Или, если ты сам – неодушевлённый предмет.

В прошлом году, когда её ребята были в седьмом классе, на 23 февраля, как всегда, девочки приносили мальчикам подарки: будущие солдаты, как-никак. Это обычно были: набор пластмассовых солдатиков, пистолеты, книжки. Но в тот раз Настенька Краснова подарила своему соседу по парте набор из красивой коробочки с дорогой импортной зубной пастой и так же красиво оформленного кусочка дорого мыла. Они с мамой подумали, что это очень нужный, полезный и

красивый подарок. Но Витька Зубков, увидев, швырнул его и захлебнулся гневными, презрительными словами. Настенька не была готова к такому, растерялась и, обвинив в том, что произошло, себя, едва удерживала слёзы. Дарья Петровна видела, что Коля Шувалов сидит с отсутствующими глазами, пытаясь не выдать своё огорчение: его соседка по парте уже неделю болеет, а потому он, Коля, остался без подарка. Она быстро подняла брошенный подарок Настеньки и от её имени преподнесла Коле с самыми приятными словами. Коля просиял и обратился к Настеньке:

– Настюша, я так счастлив! И совсем не по факту подарка, а потому, что мне действительно нравится твой выбор. Я даже сохраню его, как приятное воспоминание.

Настя зарделась и несмело улыбнулась ему, показывая ямочку на правой щеке.

Витька, ничего не поняв, только фыркнул и отвернулся.

Второй урок у Дарьи Петровны пропадал; так иногда бывает. Она села на первую к выходу парту в пустом классе и стала проверять тетради. Но вскоре раздался сильный удар ногой в дверь, от чего она распахнулась и обнаружила Владимира Черкашина, ученика одиннадцатого класса, и его искажившееся от злости лицо. Он не ожидал, что учитель увидит его во время такого плохого поступка, думая, что класс пуст, и потому сразу съёжился и притих.

Дарья Петровна в одну секунду поняла причину его пинка и ту степень злости, вложенную в него. На экзаменах по

математике в десятом классе она поставила ему двойку. Заслуженную. Весь год сидел на уроках, как пустое место, никогда не проявил ни малейшей инициативы, ничего не учил. Но за двойку обиделся!

Она почувствовала, что нельзя допустить, чтобы парень ушёл в жизнь с обидой и злостью на школу. Это было бы неправильно!

– Он всё-таки писал лекции, – приводит она мысленно доводы в его пользу, – также старался списать, а не нагло являться без домашнего задания. И раз переживает за двойку, значит, не пропащий он человек.

– Вова, зайди, – приглашает его в класс.

Он заходит.

– Да поставлю я тебе тройку годовую, ты же по-своему старался – успокаивает она его. – Это не суть важно. А важно то, чтобы ты вспоминал родную школу с тёплым чувством! Пойми, – она говорит специально медленно, задушевым голосом, делая паузы, подкрепляя слова движениями рук, – что в жизни у тебя может быть несколько работ, и жить ты можешь в разных городах, даже жён может быть несколько, а школа никогда не повторится! Вслушайся – никогда! Вот я вижу во сне не только свою школу, но и каждый коридор, каждый кабинет, каждый кусочек лестницы. И такое счастье при этом испытываю! А когда приезжаю в город детства, первым делом иду в мою школу. Я уверена, ты тоже поймёшь это щмящее чувство! Да?

Она видит, что он размяк. Согласен. Что та злость ушла «в песок», что он душевно проникся теми же эмоциями, что и она. И потому она чувствует, что не зря приходит в это здание каждый день. Вот такие маленькие кусочки школьного бытия, как награда.

Мама Дарьи Петровны проработала в школе учителем математики тридцать пять лет. Дома она делилась с дочерью маленькими секретами, которые можно постичь только практикой:

– Старайся не ставить двойки! Эта мера не принесёт пользы ни тебе, ни ученику. Всегда можно привлечь любого ученика к посильной для него задаче. Тем самым он не будет чувствовать свою никчемность на данном уроке, что очень важно, а, глядишь, войдёт во вкус и полюбит предмет. А это уже твоя победа!

– Если тебе задали вопрос, с ответом на который ты сама затрудняешься, пообещай в конце урока разобраться с ним, а тем временем переведи обсуждение на другую тему. Но, придя домой, первым делом найди ответ. И на другом уроке вернись к тому вопросу. Авторитет учителя нарабатывается и на таких «мелочах» в том числе.

Дарья Петровна понимает, что её предмет – математика и начала мат. анализа – на таком высоком уровне сложности мало кому практически пригодятся в жизни. Сам собой возникает вопрос: «Тогда зачем?». Конечно, цель школы – личность разносторонне развитая. Хотя к каждому из этих по-

нятий «личность», «разносторонне» и «развитая» можно задать кучу вопросов: «Что это такое?», «Как достичь?», «Нужно ли?», «Что, если нет ни личности, ни разносторонней, ни развитой?» и прочие.

Поэтому, ей кажется, что её задача не столько давать знания, практическая ценность которых сомнительна, сколько стараться учить, а вернее добавлять к тому, что уже до неё заложила семья, правильному восприятию жизни, хорошим поступкам, умению размышлять, анализировать, всему тому, практическая необходимость чего бесценна. Это так трудно, что почти невозможно. Спасает и вселяет уверенность только слово «почти». За него она и держится, как тонущий за соломинку.

И, наконец, школу можно сравнить с айсбергом. Почти все люди, придя домой после работы, забывают о ней, отдыхают душой и телом. А для учителя выходные дни, наоборот, самые насыщенные. То, что учитель выдаёт в школе, – это верхушка айсберга, а основную глыбу он готовит дома в виде написания конспектов, придумывания интересного построения урока, разработки внеклассного мероприятия, решения задач, оформления пособий и это до бесконечности. Эта подводная, никому невидимая внутренняя работа идёт ежеминутно, днём и ночью, и нет от неё ни отдыха, ни спокойствия, ни спасения.

Третьим – урок алгебры в седьмом классе. Программа седьмого класса особенная, она – самая восхитительная: ал-

гебраические дроби, системы двух уравнений с двумя неизвестными, одночлены и многочлены, линейная функция и её график. Такие уроки – просто один сплошной восторг!

Но на перемене, проходя по коридору к своему кабинету, она краем глаза в приоткрытую дверь кабинета истории увидела, как две девчонки из седьмого класса, сцепившись за волосы, катаются по полу и пытаются ударить друг друга куда попало.

Снова сердце Дарьи Петровны подпрыгнуло, и она в доли секунды оказалась между ними:

– Юля, Лена, да вы что!

Девчонки поднялись, пряча красные лица и отряхивая юбки

– Стыдно! – с чувством отчеканила она. – Низко и недостойно! – и вышла.

В тот временной промежуток по школе, как заразная инфекция, прокатилась волна драк в седьмых классах, примитивных, несерьёзных, показушных, но всё-таки драк. На улице, в том месте, куда выходили окна спортивного зала, и где, поэтому, никто не мог видеть, собирались в круг ученики, а двое по центру мутузили друг друга. Эти, в центре, были не только мальчишки, но, как ни странно, и девчонки (а чем мы хуже! – как будто старались доказать они). А наблюдающие испытывали удовольствие, азарт, наслаждение. Это только лишний раз подтверждало установку, что человеку разумному не хватает двух вещей: хлеба и зрелищ и даже наоборот

– зрелищ и хлеба.

Видимо, пришло такое время для этого возраста, когда волне нужно было нахлынуть, чтобы самоутвердиться, находить своё место в коллективе, понять, на что вообще способен. Но волна спала и такая именно больше никогда не возникала. Ей на смену неизбежно придёт что-то другое, а то, прошлое, станет воспоминанием и опытом.

Дарья Петровна считает, что, образно говоря, глаза учеников закрыты повязкой, и каждое новое впечатление или открытие в их жизни делает прореху в этой повязке. Свою миссию она видит в том, чтобы та повязка стала совсем рваная и отпала бы за ненадобностью, а взамен они бы увидели мир, в котором уже умеют правильно жить.

Весь класс гудит, как потревоженный улей!

– Дарья Петровна, слушайте новость, – кричат все и обступают её плотным кольцом. – Наша Таня Королькова написала статью в районную газету!

– И её напечатали! – размахивают свежим номером газеты.

– Вот даёт! – удивлены и восхищены абсолютно все. – Давайте читать вместе, это о проблемах школы!

– Я принесла черновики, – кричит сама Таня, – чтобы доказать вам, что в двух местах редакция переврала мой текст!

– Наверно, им так больше нравилось, – предполагает кто-то.

Новость моментально облетела всю школу. Все ученики

хотят знать больше о статье и об авторе.

Событие произошло действительно неординарное. Дети в пятнадцать лет уже вполне могут увидеть недостатки и уметь критиковать их. Таня и до этого дня была общей любимицей, а теперь она – просто героиня. Заслужила решительностью, неординарностью мышления, наблюдательностью. Дарья Петровна, конечно, горда такой ученицей.

За пятнадцать лет работы в школе она научилась менять голос с нежного грудного до крика. Правда, кричала она один раз, когда вдруг случайно из уст приличной и порядочной, как она думала, ученицы она услышала нецензурную брань. Тогда Дарья Петровна побледнела, как от удара, и сорвалась на крик: «Мерзавка! Ты просто мерзавка!» И девочка не стала протестовать, а только опустила голову и покраснела.

Наконец, она ведёт урок алгебры в седьмом классе. Три ученика работают у доски по карточкам, остальные – решают номера из учебника. Тишина. Все сосредоточены. И вдруг в середине урока рывком открывается дверь, влетает неизвестная ей молодая женщина и, задыхаясь от возмущения, не обращая внимания на полный класс учеников, начинает кричать, обращаясь к ней:

– Ты знаешь, кто я такая! Да я тебя в порошок сотру! Как ты смеешь с моей дочерью так разговаривать!

Дарья Петровна совершенно не понимает, о чём идёт речь. Тридцать учеников – в шоке, не меньше, чем она. Все

забыли, что они на уроке, затихли и превратились в слух и зрение.

– Какая неприятная ситуация, – думает она.

От этого в душе разливается горечь. Чувствовать себя без вины виноватой, оплётанной неизвестно зачем и неизвестно кем – это так унижительно! Особенно, когда отдаёшь всю энергию, заботу, тепло, а тебе – раз и пощёчину! Такая она – эта пороховая бочка.

В её голове пульсирует только одна мысль: «Ничего плохого я не могла сделать по определению. А посему, надо игнорировать эти крики и спокойно продолжать урок. Моего решения и моей реакции ждут тридцать человек».

А крики сплелись с угрозами в единый монолит и перешли в третью степень.

– Да у неё уже глаза сейчас выскочат из орбит, – как молния, проносится у учителя мысль, – и слюна выскакивает, как у бешеной собаки! Что же за ужас?!

Но она командует себе:

– Быстро взять ситуацию в свои руки!

И спокойно обращается к классу:

– Все слушаем, как Таня Петрова решила у доски свою задачу. Вот на этот момент, – показывает указкой, – обратите внимание...

Женщина, видя, что её никто уже не слушает, хлопнув дверью, убежала. Если бы осуществились все её угрозы, Дарья Петровна уже много раз была бы стёрта с лица земли.

– Уф, неужели это закончилось? – несмело подумала она.

Но оказалось, что до финала было ещё ой как далеко, потому что минуты через три таким же способом ворвалась директор Анна Семёновна и тоном, не терпящим возражения, вызвала её с урока.

– Директор поставила учебный процесс на второе место, а во главу угла – истерику до неприличия невоспитанной мамы, – возмущена Дарья Петровна. – Уже это не делает ей чести. И потом, она своим приказным тоном унизила меня в глазах учеников.

– Что она тебе говорила? Повтори при директоре! – требует мать от дочери, которую тоже привели сюда. Благо, кабинеты соседние. Тогда Дарья Петровна увидела, что это Ксения, довольно хорошая ученица, немного самолюбивая и заносчивая, но, в общем и целом, – нормальная девочка.

– Она (это про Дарью Петровну) сказала, что я хожу по помойкам и собираю объедки. Ещё она сказала, что мы все в семье бедные и что у нас нет даже одежды.

Дарья Петровна не верит своим ушам, но их бред не прекращается. Тогда она резко встаёт:

– Я вам заявляю, что не имею ни малейшего понятия о том, что тут происходит, – она едва сдерживается, такое кого угодно выведет из себя, – к тому же у меня урок, который я не имею права прерывать, ибо моя цель, как учителя, в первую голову давать знания, а все разборки – потом.

– Так и директор должна была объяснить мамаше, – уве-

рена Дарья Петровна.

Но, придя домой после всех уроков, она заставила себя вспомнить вчерашний день до мельчайших подробностей: не на пустом же месте возникло всё это!

И она вспомнила!

Вчера на последнем уроке она объявила, что будет родительское собрание. Когда все ушли, осталась Ксения, как дежурная в тот день по классу. Девочка её спросила:

– А если моя мама не сможет прийти на собрание?

– В такой хорошей семье, как твоя, – ответила Дарья Петровна, хотя не имела понятия об их семье; просто по ухоженному виду, по спокойствию ребёнка, по уверенному поведению она поняла, что в семье всё нормально, – мама или папа, вне всякого сомнения, найдут время посетить школу и узнать мнение учителя, который проводит с их детьми добрую половину дня. Вот у меня есть знакомые, у которых дочка не посещает школу, а ходит с мамой по мусоркам и собирает что-нибудь из еды и одежды, а вечером мама всё пропивает. Вот такая мама вряд ли пришла бы на собрание. Но ведь это не твой случай!

– Кто бы мог подумать, – не понимает Дарья Петровна, – что в голове тринадцатилетней девочки всё сложится диаметрально противоположно! То ли она слушала меня невнимательно, то ли не поняла моей нравоучительной речи, только дома она сказала, что... это *она* ходит по помойкам, и что это *у них* нет одежды.

И больше того, это оказалась семья, в которой папа весьма крепкий бизнесмен, а потому мама считает себя чуть ли не светской дамой.

– У мамыши, конечно, сработал инстинкт защищать своё дитя и свою семью, – понимает Дарья Петровна. – Только при этом она показала всем, как плохо она образованна, на какой низкой ступени развития она стоит. Потому что есть куда более достойные способы, к тому же они и более действенные.

– Это «светская дама» оказалась просто базарной торговкой, которая кричит, привлекая к своему товару, – уверена учитель. – Там не имеют и понятия о духовности. Мать даже не поняла, что таким образом опозорила, а не защитила дочь.

– Самое печальное, что, скорее всего, и Ксения станет в своё время действовать по образу и подобию своей матери, – раздумывает Дарья Петровна. – Я помню, как на четвёртом курсе приехала из Москвы Бегалим Айжатова, чтобы читать лекции по психологии. Какая она была красивая, стройная, оригинальная, уверенная в себе и, безусловно, очень умная. Я не забыла, что, согласно психологии, дочь повторит поведение матери с большой долей вероятности: если мать режет крупно лук для салата оливье, то так же будет делать и дочь, и она не прислушается к совету резать как можно мельче, а то и совсем исключить этот ингредиент, ведь так делала мама. Это модель поведения, привитая с детства. Чтобы хо-

тя бы сдвинуть такую установку, уж не говорю, поменяться кардинально, какие усилия над собой нужны! Или уж очень сильные удары судьбы.

– Но нет правил без исключения, – Дарья Петровна знает не один такой случай. – Когда отец, что называется, без бутылки не представляет жизни, а сын принципиально ни капли не берёт в рот. А, согласно науке, если человек до двадцати лет не пробовал спиртное, он не сможет стать алкоголиком никогда.

Тут память услужливо преподносит ей забавный случай.

Недавно она ездила в Германию к подруге по спорту. Както вечером они сидели у неё дома, Дарья Петровна уткнулась в монитор компьютера, а подруга рассказывала, как посещала врача.

– Она слегка укусила меня за ухо, – услышала она от подруги, и это заставило её оторваться от экрана.

– Да быть того не может! – заявила она. (От врача такого никак нельзя ожидать, это знают все в мире).

– А я тоже подошла и куснула её за мочку, – продолжает подруга.

У Дарьи Петровны в голове проносятся мысли вперемежку с эмоциями: кто их там знает, врачей в Германии!

– Позволь все-таки не согласиться с тобой! – настаивает она, а сама внимательно изучает глаза рассказчицы в надежде увидеть хоть что-то, похожее на смех.

– Ну, вот ещё! – обижается та. – Как было, так и говорю.

Дарья Петровна видит, что подруга абсолютно серьёзна, но возражает:

– Хоть убей, но не могу поверить! Такое выходит за рамки понимания!

– Вот Фома неверующий, – уже кричит подруга, – смотри. она берёт на руки свою кошку и быстро кусает ей ухо, а та моментально посылает ответный укус.

– Так ты говорила про кошку! – доходит до Дарьи Петровны.

Это воспоминание снова заставило её затряслись от неудержимого смеха.

– Я так увлеклась перепиской, – оправдывает себя сквозь смех Дарья Петровна, – что в какой-то момент пропустила смену темы подругой и чистосердечно была уверена, что та продолжает рассказывать про посещение врача.

– Это я, так сказать, взрослая тётенька, могла настолько перепутать информацию. Почему же я отказываю в этом тринадцатилетней девочке? – корит она себя.

– Но я представляю, – думает Дарья Петровна, – каким ударом для матери, которая только что вышла из грязи в князи, были слова, сказанные для её дочери какой-то училкой, которая посмела оскорблять их. Однако, когда всё прояснилось, эта мамаша пришла на собрание и даже не подумала извиниться за океан брани, незаслуженно вылитой на мою голову, что только доказало низкий уровень развития и отсутствие духовности.

– В нашей школе, – в памяти Дарьи Петровны всплывает недавний случай, – был мальчишка, как 70 процентов других мальчишек: учился плохо, поведением хорошим не отличался, ходить в школу ему не нравилось. Пришла как-то молодая учительница по русскому языку и литературе. Промучилась две четверти с этим учеником и вызвала в школу для собеседования его мать, где посоветовала перевести его в другую школу для таких же детей, там и программа легче, и ему будет интересно, – думала сделать, как лучше и для парня, и для матери. Но мать сына не перевела, он доучился до восьмого класса и только тогда ушёл, а обиду затаила. Прошло три года, – Дарья Петровна помнит каждый момент, – и настал выпускной вечер после 11 класса. Эта мамаша как-то пробралась к столам и вела себя, как все родители, хотя её никто не приглашал. И вот в разгар праздника она встаёт, берёт слово и говорит, глядя на ту молодую учительницу, которая пришла с мужем и с цветами для каждого выпускника:

– Сидишь, улыбаешься?! Я тебе испорчу хорошее настроение! Мой сын не дурак! Ты своих нарожай и отправляй их в школу для отсталых! Пришла тут, умная такая, думаешь, мы дурнее тебя?! Да мой сын лучше многих!

И в таком духе, с каждой фразой всё оскорбительнее. Учительница в слёзы, а мамаша сияет от того, что добилась своей цели свести счёты. Уже родители восстали и силой вывели её из зала. Кстати, – акцентирует Дарья Петровна, – мне не было жалко ту молодую учительницу. Она оценивала уче-

ников по импортной этикетке на их одежде, открыто выворачивая на них кофты, чтобы узнать, откуда импорт. Ну, в такое время живём, но это ведь не причина опускаться так низко! Но поведение матери просто изумляет! – диву даётся Дарья Петровна. – На такое могла решиться только женщина скандальная, без комплексов, совсем необразованная, ибо самое простенькое образование поднимает человека над тем, что толкает его к плохому и удерживает от неприличных поступков, из ряда вон выходящих.

– И ведь подумать только: три года ждала момента отомстить и способ выбрала весьма изощрённый! – Дарья Петровна, не способная на такое ни при каких обстоятельствах, до онемения не понимает таких людей. У неё они вызывают даже какое-то криминальное уважение, как обладатели того, чего она лишена начисто.

Историй о том, как неразумные матери и отцы, ослеплённые неразумной же любовью, защищают своих детей, которые часто не стоят и крупинки этой защиты, в практике Дарьи Петровны наберётся сотни.

– А сколько историй о неразумных учителях, – волнуется она, – которые часто не лучше, а хуже самого плохого ученика и в плане знаний, и в плане духовных и моральных качеств! Потому что, школа ведь не исключение. Абсолютно в каждом месте, где работают люди, 80% не знают то дело, за которое получают зарплату и столько же – с низкими душевными качествами. От этого никуда не денешься. Почти две

сотни лет назад Герцен писал: «Учителя ...гимназии были (...) люди большею частью обленившиеся, огрубевшие (...), отданные тяжёлым материальным привычкам, и усыпившие всякое желание знать что-нибудь». С тех пор, как ни странно, ничего не изменилось!

В учительской однажды рассказали анекдот: «На уроке учительница обращается к классу “Если вы найдёте мешок с деньгами и мешок с умом, какой из них вы возьмёте себе?”. На что ученики, не раздумывая, отдали предпочтение мешку с деньгами. А учительница сказала: “А я бы взяла мешок с умом”. Дети немедленно выдали: ”Ну, это кому чего не хватает”». Все учителя смеялись, уверенные, что к ним это не относится. А зря!

Однажды Дарья Петровна присутствовала на уроке в четвёртом классе; это начальная школа, не её епархия, тем не менее, ей был интересен тот молодой учитель, Софья Валентиновна, которая добилась того, что родители всего класса ежемесячно платили ей дополнительную к государственной зарплату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.